

Иннокентий Федорович Анненский

ЛАОДАМИЯ

*Лирическая трагедия в 4 действиях
с музыкальными антрактами*

Dum careo veris, gaudia falsa juvant.
Ovidius

< Когда я лишена радостей
истинных, мне отрадны и ложные.
Овидий>

Посвящается сыну

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трагедия Лаодамии взята нами из античной версии мифа о жене, которая не могла пережить свидания с мертвым мужем.

Один из любимых мотивов римской лирики и трогательное украшение саркофагов, эта сказка о фессалийской Леноре не считалась, однако, в древности богатой сценическими эффектами, и Еврипид со своим «Протесилаем» был едва ли не единственный греческий трагик, которого она пленила. От «Протесилая» уцелели скудные отрывки, и ученым не удалось до сих пор восстановить не только хода действия, но даже содержания этой трагедии.

Мужа Лаодамии звали Иолай, он был сыном Ификла, царил в Фессалии, над городом Филакой, и был убит на троянском берегу, куда ступил первым.

Протесилай стало его прозвищем, и этим словом отмечалось его первенство. Дóма он оставил, по словам Го-

мера, «едва заведенное хозяйство» (δόμος ἡμιτελής В. 701, cf. lat. domum inceptam frustra).

Беглый след мифа о Протесилае в каталоге кораблей стал зерном Еврипидовой трагедии, но поэт со свойственной ему чуткостью к легендам страдания перенес ее центр с погибшего героя на его погибающую жену.

Пафос и гибель Лаодамии в последующей литературе и у ваятелей стали, под влиянием Еврипида, почти исключительно центром художественного интереса. Только 23-й разговор «из царства мертвых» Лукиана рисует загробное желание Протесилая, обращенное к Плутону и Персефоне (Luc. op. ex recogn. Jacobitz, I, 177 sq), и там он — первый и главный.

У Еврипида Протесилай назавтра после свадьбы или даже прямо, с брачного пира уходит в поход под Трою, но об этом конечно, только передавалось в трагедии. Разгневанная прерванным браком, Афродита не дала Протесилаю и после его геройской смерти разлюбить Лаодамию, и он вымолил себе у подземных богов три часа свидания со своей молодой женой. Действие происходит в Филаке, перед хором местных женщин, мужа которых ушли с Протесилаем, и это теснее сближало оркестру со сценой. Декорацию составлял фасад того дворца, где Лаодамия, дочь царя Акаста из Иолка, была новой и одинокой хозяйкой. Отпущенный из преисподней Протесилай появлялся и говорил на сцене, но, вероятно, не в виде загробной тени, как Клитемнестра «Евменид», а так, что жена могла принять его за живого человека. Когда из его слов или, может быть, по миновании трех условных часов, Лаодамией становилось ясно, что возвращение Протесилая, а следовательно, и начало ее новой счастливой жизни — только обман, она закалывалась, или в порыве отчаяния, или покорная призыву мужа.

Вот остов содержания пьесы Еврипида, как устанавливается он в современной литературе предмета (см. особенно: Maximilian Meyer, *Hermes*, 1885. 20. В. Der Protesilaos des Euripides (SS. 101—143) и W. H. Roscher, *Lexikon* (s. v. Laodamia).

Он содержит зерно драмы, но мы еще не различаем в его чертах Еврипида.

В «Протесилае» несомненно были черты, которые трудно включить в намеченные рамки. В трагедии играл роль Акаст, отец Лаодамии, и очень вероятно, по аналогии со старыми отцами в пьесах Еврипида, что роль эта так или иначе соприкасалась с трагической смертью героини.

Позволю себе выписать по этому поводу несколько строчек из моего предисловия к переводу «Ипполита»: «Еще одна чисто еврипидовская черта в исходе «Ипполита»: этот поэт любит, разрешая драму, т. е. убивая, исцеляя и примиряя людей, оставлять в ней до конца одно разбитое сердце, на жертву тоске, которая уже не может пройти: таков у него Кадм «Вакханок», таков старый Амфитрион, таков и Фесей. Буря утихла, трупы убраны, но безветренное море все еще тихо качает около берега черный остов разбитой барки» (Отд. отт. из Ж. М. Н. Пр. за 1902 г., стр. 85 ел.). Затем не подлежит никакому сомнению, что у Лаодамии (подобно Адмету «Алькесты» w. 348—356) была портретная статуя ее мужа и что она не только любила своего «бездушного друга» (слова Еврипида), но, по-видимому, и защищала статую от людей, которые восставали против ее болезненно страстного отношения к восковому Протесилаю.

Кроме того, героиня Еврипида, действительно ли или только напоказ, но соединяла свой страстный культ Протесилая с вакхическими обрядами, может быть, в честь Диониса-Загрея, бога мертвых.

Наконец, способ и момент самоубийства Лаодамии остаются неразъясненными. Имели ли они какую-нибудь связь, и если имели, то какую именно, с восковым слепком Протесилая, мы не знаем. Один латинский мифограф-компилятор Гигин рассказывает (Hug. CIV), что Лаодамия бросилась в костер, на котором Акаст приказал сжечь ее воскового мужа. Остроумные соображения критики подорвали нашу веру в то, что компилятор точно передал содержание исхода Еврипидовой драмы. Но загадочными по-прежнему остаются слова Овидия (Rem, a. a. 723):

Si potes, et ceras remove. Quid imagine muta
Carperis? Нос periit Laodamia modo.

т. е.

Если можешь, удали и восковые портреты.
Зачем пленяться немым изображением?
Именно таким образом погибла Лаодамия.

От них еще далеко, конечно, до рассказа Гигина.

В новой литературе мне известна на сюжет «Протесилая» лишь трагедия Станислава Выспянского «*Protesilas i Laodamia*», напечатанная в 1899 г. в Кракове, в журнале «*Przegląd polski*».

Автор заставляет свою героиню заколоться после галлюцинации таинственного брака ее с Протесилаем. С большим художественным тактом польский поэт сделал героя безмолвным. Пьеса написана в эсхилловском стиле, вычурным архаизирующим языком; проза причудливо мешается в ней со стихами, а ремарки местами заглушают текст.

Теперь несколько слов *pro domo mea*.

У меня Лаодамия бросается в огонь. Я не хочу этим реабилитировать текст Гигина и вполне допускаю, что Овидий знал трагедию Еврипида лишь по пересказам, и, может быть, искаженным. Но смерть от вольного удара мечом кажется мне столь же мало соответствующей натуре Лаодамии, сколько характеру ее пафоса. Замечу при этом, что и для героинь Еврипида такая смерть не была обычной: Канаке прислали меч, а Поликсену закололи; нож не достиг Ифигении, и Электра не успела воспользоваться мечом Ореста.

Во всяком случае, Лаодамии более всего подобала огненная смерть, смерть жертвы; трагический жест Эвадны¹ мог один соединить ее с мужем, хотя бы *in effigie*. Костер является у меня по ходу действия, и его вовсе не раскладывают, чтобы растопить восковую куклу. Может быть, так было и у Еврипида. Выходил ли на сцену Еврипида Гермес, как предположил Велькер? (*Die gr. Trag. 2. Abt. 497.*)

¹ Жена Капанея, которая в трагедии Еврипида «Молящие» бросилась в костер у гроба своего мужа.

Если допустить, что боги, а за ними и Еврипид, дали Протесилаю трагедии реальное существование, то психомп с его золотой тростью был бы, конечно, только сценическим балластом, тем более что Еврипида не стесняла никакая мифическая традиция.

В трагедии, которая следует, скептический и задумчивый Гермес-созерцатель не претендует быть ничем, кроме бледного отражения своего классического собрата.

Если на богов Олимпа не распространяется закон эволюции, им суждено, по крайней мере, вырождаться.

И. А.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке их появления на сцену

Хор — девушки, жены и вдовы.

Лаодамия — дочь царя Акаста из Иолка в Фессалии
и жена царя Иолая.

Кормилица ее — старуха.

Вестник.

Гермес.

Тень Протесилая (раньше Иолая).

Мальчик — раб.

Акаст — царь Иолка, отец Лаодамии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет фасад царского дворца в Филаке (в Фессалии).

На сцене никого. Раннее утро. Небо синее, но в облаках густо белых и разорванных. В воздухе осень.

Перед домом большой стан с закрытой работой.

У средних дверей золотая статуя Артемиды.

Женский хор за сценой.

Строфа 1

Мех на плечах,

Пламя в очах,

Где ты кружишь, менада?

Факел чадит,

Бубен гудит,

Сердцу любви не надо.

Звуки приближаются, изредка перебиваясь
печальными и тяжелыми ударами бубна.

На оркестру спускается толпа женщин и девушек,
старых и молодых. В одеждах мало нарядного и пестрого:
преобладают серые и лиловые тона. Часть несет кувшины
и после вступительной песни покидает оркестру.
Образуются группы. Иные поднимаются на сцену
и убирают цветами подножие статуи Артемиды.

В это время часть хора, одетая в короткие одежды
и с киньями на головах, поет.

Антистрофа 1

Темен покой,
Дерзкой рукой
Ложе мое не смято,
И холодна
В полночь одна,
Тенью лежу объята.

Строфа 2

Н е в е с т ы

Группа в белом сопровождает пение мимикой.

Пена волны
Моет челны,
Море, клубясь, золотится,
Парус дрожит,
Птица кружит,
Сердце мое—та птица.

Явление первое

Во время строфы второго мелоса из правых дверей дворца
выходит старая кормилица, простоволосая и в коричневом.
Она обменивается с женщинами приветом и подходит
к краю сцены.

Х о р м о л о д ы х ж е н

Антистрофа 2

Простертые руки и лица обращены в сторону моря.

Спишь или нет,
Сладок ответ
Из серебристой дали.

Нежной игры
Тира ковры
Ночью напрасно ждали.

К о р м и л и ц а
(к певшим)

Росу ланит Владычица морей
Вам, нежные невесты, пусть осушит,
Пусть факелы желанные скорей
Сперва зажжет она, потом потушит.

Сцена пляски женщин. На оркестру спускается хор вдов со спущенными вуалями, у иных волосы обрезаны, у других косы распущены и иногда, свеживаясь на лицо, заменяют откинутый вуаль.

Строфа 3

Не политы,
Вянут цветы.
Страшны голодные осы.
И завились
И развились
Даром тяжелые косы.

Явление второе

Из средних дверей во время пения этой строфы выходит Лаодамия. Она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие с розоватым отблеском.

Знаки почтения и участия в хоре. Кормилица обращается к царице лицом. Лаодамия останавливается в дверях и кланяется хору. Во время пения следующей антистрофы она делает несколько шагов по сцене, и, по ее знаку, сопровождающие ее рабыни, открыв работу, начинают налаживать ткацкий станок.

Антистрофа 3

С дальних берегов
Мне жемчугов
В нитях не путать змеистых.
Не целовать,
Не миловать
Лады волос золотистых.

Пение, по-видимому, взволновало Лаодамию: она шла работать, но остановилась и обращается то к небу, то к женщинам, простирая руки то вверх, то перед собою.

Лаодамия

Как парусов далекой синевы,
Не разогнать желанья полным словом,
Мне не дано утешить вас, увы!
Вы, бледные, и в сером, и в лиловом.

Пауза.

А как узнать — за ясной синевой,
Быть может, плач уж носится по стану...

(Тихо.)

В печальный хор с обритой головой
И я войду тогда, и тихо стану.
Но золотом еще горит игла,
За ней узор бежит гирляндой пестрой,
И даль небес передо мной светла,

.....

Простите мне мою надежду, сестры.

(Отходит к работе и начинает быстро и ловко водить челноком над основой, мягко отстраняя рабынь.)

После минуты молчания Кормилица тихо подходит к царице и несколько мгновений смотрит на не поднимающую от работы глаз Лаодамию.

Кормилица

Пресветлая царица и дитя
Любимое, Лаодамия, здравствуй!

Лаодамия

(поднимая голову)

Кормилица... что ж? Новостей всё нет?
Плывут они иль под стенами Трои
Раскинули шатры?... А ведь сегодня
Четвертая луна свой круг заполнит,
С тех пор как царь уехал... бросив пир,
Невестою меня покинув думам...

Кормилица

О госпожа! Царицу от рабынь
Порою наш не отличает жребий.

Терпением повиты мы... Что делать!..
Но расскажи, что снилось тебе:
Глаза твои еще слезами полны.
Скажи: во сне ты плакала, дитя?

Лаодамия

Мне снился сон, кормилица, и солнцу
Я расскажу его... Ты знаешь: он
Не в первый раз мне грезится. Так странно —
Порвется нить, а сердце, как рабыня,
Уж новую мотает... и в один
На полотне узор свивает обе.
Я видела, что будто босиком
Я по траве иду... Такой Филака
Не видела, и в Иолке нет такой.
Густая и высокая, цветами
Лиловыми поросшая, она
Мне резала босые ноги. Свод
Над головой алел, как от пожара,
День или ночь, понять, на небесах —
Я не могла... И не было кругом
Ни дерева, ни птицы и ни тени...
Лишь человек высокий — кто он был,
Не знала я, — мне долго шлем свой тяжкий
На белые надеть старался косы
И путал их, взбивая... С головой
Я уходила в каску, было душно
И страшно мне, и кожей пахла медь.
Хотела я кричать, сопротивляться,
Но голоса не издавала грудь
И мягкие мои негнулись руки,
И только слез горячие ручьи,
Когда проснулась я, со щек катились...

Кормилица

(после некоторой паузы)

Гадателя позвать бы... Только сон
Хорош, дитя... Ведь слезы — это к счастью...

Лаодамия

Нет, сердца дум гадателям нести
Я не хочу... Ты, бог, ты пламя утра,

Коль этот сон недоброе сулит,
Укрой его в немое лоно поля,
Иль голову утесу опали,
Или волну ударь в злаченный гребень,
Но береги мне Июлая... Нет
Защиты у меня и нет веселья
Без милой головы... и царский род
Я не могу одна продолжить, солнце,
Чтоб алтари богам он охранял,
Сердца жрецов пленяя жиром нежным.

*(Несколько секунд молится молча, поднимая руки к солнцу,
потом поворачивается, чтобы стать за работу.)*

Гадателя не надо...

К о р м и л и ц а

*(несколько мгновений молча следит за работой Лаодамии
и, рассматривая работу, покачивает головой)*

Что за вид

Чудеснейший... И звезды, и луна,
И челноки какие-то, и птицы
На парусах... А это что ж? Одна
Лететь устала, видно... Иль на мачте
Ей не нашлось местечка?.. Между волн
Она трепещет крыльями... Какая
Искусница... Ведь умудрит же бог....
Вот только птица-то зачем упала?

Л а о д а м и я

*(оставила работу и бродит глазами в небе, где в это время
пролетают осенние птицы)*

Зачем она упала?.. Видно, так
Ей боги присудили... Иль никто
Там, думаешь, в лазурной выси, няня,
Летать и не устанет, и земли
Далекой Африканской всем достигнуть
Придется им?.. А бури? Разве бурь,
Как на море, в эфире не бывает?
Вот, может быть, которая-нибудь
Так радостно пускалась в путь сегодня,

А завтра... Нет, сегодня даже ей
Подломит крылья ветер, или коршун
Из стаи вырвет жадный, и птенцов
Не выводить уж никогда голубке...

Пауза.
Лаодамия работает.

Лаодамия

Не выводить птенцов... А мне зачем
Ты сладкого залога не оставил,
Мой Иолай?..

Качай я колыбель,
Я повторять теперь могла бы имя
Любимое... И, слушая меня,
Уж люди бы вокруг не улыбались,
Что с куклой я или сама с собой
Всё говорю.

Кормилица

Придет, Лаодамия,
Всему черед... Немало их потом
По именам ты назовешь... Пожалуй,
Придумывать наскучит имена...
Вот только бы Приамовой столицы
Им удалось разрушить стены... Мне
Рассказывал один купец фригийский,
Что боги им слагали их... Легко ль
Строение богов сровнять с землею?..
Да, дерзок род царей, и никому
Таких гребней для шлема непокорных
Не выбивал кузнец, мехи вздувая,
Сам золотой в своей пещере черной...

Лаодамия
(*рассеянно слушая ее*)

Как думаешь... меня он не забудет?
Другой жены себе он не возьмет?
Ведь дочери Приамовы уж, верно,
Не то что мы, лесные пташки, им
И нежные румяна шлет лидиец,
И золотые ткани, и духи.

Пожалуй, есть у них и зелье — сердце
Привязывать мужское.

К о р м и л и ц а

Иль рабынь
Бояться дочь царя Акаста может?

Л а о д а м и я

Нет, няня, нет... Я знаю, что никто
Его нежней и крепче не полюбит.
Бывало, мать печальную не раз
Я ласками смеяться заставляла,
Улыбку я сумею и царю
На строгие уста его, как кистью,
Перевести горячим поцелуем.
Я арфой в нем желанье разбужу
На нежные полюбоваться руки,
И зеркалом мне будет он, — когда
Душистые свивать начну я волны
И белые... О горе! О зачем
Вы, факелы, так быстро догорели?
Ты, хор, умолк так рано? И царю
Я ласковых имен шепнуть не смела?
День был как сон...

Но трепетной руки

Мне ласково не тронул царь... Вуаля
Он с розовых ланит моих не поднял
И яркий шлем надел... Мои цветы
На мягкие ковры упали грустно...

.....
О женщины! О цвет подруг моих,
Вы, белые невесты! Вы, гречанки
Со всей Эллады дивной — все, кому
Крылатые лады вернут ли счастье, —
Я вас молю, что б ни таила даль,
Еленами не будем мы...

И если

Обнять дано героев нам, один
Пускай огонь священный Гименея
Сжигает нас, покуда, догорев,

Под пеплом мы его не станем, девы,
Старухами седыми...

Сколько слез,
О, сколько слез в твоём безумном браке
И змей среди цветов твоих, жена
Неверная, в улыбках сколько яду...

.....

(Подняв глаза и руки.)

Вы ж, белые и быстрые, эфир
Рассекшие крылами.. вас молю...
Желания мои и этих горьких
Несите в даль эфирную, туда,
На берега троянские... от меди
Безжалостной пусть оградят сердца
Суровые... и нежные... и наши...

Х о р

П Е С Н Я Б У Б Н А

С т а р у х и

Строфа 1

Скованы тяжкие латы...
Что ж молот несытый гудит?
И бурое пламя чадит
Зачем, озаряя палаты?
О нет, позабыть не могла ты,
Эллада, кровавых обид...
Иль меч на Париса еще не отбит,
Что, искрами брызжа, железо журчит
И молот кричит:
«Расплаты! Расплаты! Расплаты!..»

Антистрофа I

Горы с зеленой дубравой
Отважный забудет стрелок,
Там долго он черных берлог
Тревожить не будет облавой;

Милее ему златоглавый
Приама высокий чертог...
Вот, веслами пеня Эгейский поток,
Помчались ахейцы, и пыл их жесток...
Туда, на восток,
«За славой! За славой! За славой!»

ПЕСНЯ ФЛЕЙТЫ

Строфа 2

(один женский голос)

Розовым утром
Если бы ланью я стала
Иды высокой,
Я бы Париса,
Я бы Париса красою,
Легкостью гибких движений
В чащу сманила и жаждой
Быстрого б там затомила...
Шлем потерявшего в дебрях
Я б чародея с глазами,
Полными синего блеска,
Нежной зеленой трясиной
Тихо потом засосала...

Антистрофа 2

(другой женский голос)

Если бы птицей
Сладко-певучей я стала,
В терем Елены,
Пленницы нежной,
Плакать бы я прилетала
В тихие лунные ночи,
Чтобы, очей не смыкая,
Слушала песни царица
И умирала тоскуя,
Чтобы хотелось ей страшно
Дочку увидеть и мужа,
Гулкую белую залу
И тростники на Евроте.

ПЕСНЯ АРФЫ

Строфа 3

Синевою небес пролетая,
Бог далекой земли,
Ты Парису лелеял зачем корабли,
Бог далекой земли?
Белый Аргос и Спарта золотая
Нежной дивы таить не могли, —
Унесла ее белая стая —
С ней не волей ли Зевса свитая?
Лель... лели...
Розовея, дымятся угли,
Облака разбегаются, тая,
Гименея, о дева, моли...

Антистрофа 3

Златокудрое Зевсово чадо
Цепи роз обвили,
Пока луч, отдыхая, в пыли
Цепи роз обвили...
Убежала, рыдая, менада...
А когда тени ночи легли,
Не горела в огнях колоннада,
О, не надо Париса... не надо...
Лель-лели!..
Розовея, дымятся угли,
Голубая мерцает лампада,
Гименея, о дева, моли...

Корифей

Оставьте петь... Я вижу вдалеке,
Там облако... но только не на небе...

Молчание.

Женщины вглядываются вдаль, по направлению пальца Корифея.

Первый парастат

(к Лаодамии)

Там облако, царица... и в движеньи...

Лаодамия
(тоже смотрит)

Да, облако... я вижу — это пыль...

Кормилица
Я видела давно, что стадо гонят.

Второй парастат
Твои глаза не зорки... Погляди:
Уж радужной просвечивает дымкой
Пыль серая... Где ж видишь ты овец?

Одна из женщин
Смотри—вот конь... а вот и всадник...
Видишь?
Царица, к нам гонец...

Другая
Его коня
Уж приняли... Идет он, окруженный,
Не разобрать лица.

Лаодамия
Откуда он?
И что несет? О сердце!.. Колотиться
Не надо так... Или одна я жду
Его вестей?.. Как шаг его неровен!
Он кажется смущенным... О, зачем
Сомнения? Уж вот он! Он не мрачен,
Не в трауре.

Явление третье

Те же и вестник сморя.
Он имеет утомленный, обветренный и запыленный вид;
на лбу рубец, рука завязана, шлема нет.

Лаодамия
(к входящему вестнику)
Привет тебе, посол,
А если ты из Трои, и награда.

Вестник
Державная царица... Я из Трои.

Лаодамия
И наша рать?

Вестник
Осада началась.

Лаодамия
Сражения дружины Иолая
Не видели еще?..

Вестник
Оно царя
Филейского венчало вечной славой...

Лаодамия
Хвала богам и родине! А мне
Какое счастье!.. О мой избранник!
Но воины?..

Вестник
(с некоторым усилением)
Мы счастливы: пока
Детей Филаки гибель не коснулась...

Радостные восклицания в хоре.

Лаодамия
Но начал ты про славу... Расскажи
Подробнее...

Вестник
Ахейские триэры
Задержаны стояли под Авлидой.
Безветрие сковало...

Лаодамия
Это мы
Уж слышали... Про смерть Ифигении
И брак ее обманной весте к нам
Давно пришли. Рассказывай о Трое...
И о вожде дружин.

Вестник

У берегов

Уж корабли ахейские толпились,
А нас еще кружило море... Путь
Последний труден был — волна нас била,
И парусам оранжевым царя
Тяжелая борьба досталась. Якорь
Был брошен наконец. Но меж вождей
Ахейских спор застали мы... С Авлиды
Раздоры шли... А тут еще беда,
Гадателем прочтенная на жертвах,
Прибавилась, — и злобились цари,
И печени от желчи черной пухли:
Им объявил гадатель, что тому
Убитым быть, кто первый землю вражью
Бесстрашною стопою оскорбит...
И не хотел никто быть больше первым,
Сопернику соперник уступал

.....
О дочь царей... О нежная подруга
Славнейшего из греков... Ты дрожишь?

Лаодамия

Ты говорил о славе Июлая?..

Вестник

О госпожа!..

Лаодамия

Он был там? Говори...

Вестник

Дозволишь ли?

Лаодамия

Он вынул страшный жребий?

Вестник

Нет, жребия наш царь не вынимал,
Но он не снес глумления троянцев
И дал нам знак... Он первый победил.

Лаодамия

Я слов твоих не понимаю, вестник...
О, не спеши... Еще надежда есть...
Я слушаю... Он жив еще?

Вестник

Царица!

Обуза зол твоих так тяжела...

.....

Царь умер, и его похоронили.

Вопли в хоре. Лаодамия стоит вся белая.
Вопли, не поддержанные ею, как-то неловко обрываются.
Воцаряется продолжительное и полное молчание.

Лаодамия

Не может быть... Опомнись — наш ли ты?
Он здешний ли, скажите мне.

Смущенное молчание.

Ошибся

Ты, вестник, я с тобой и незнакома.

Ты не был там с царем?..

О, отвечай.

Вестник

Протесилай, мой повелитель, умер...

Лаодамия

Как ты сказал? Как назвал ты вождя?

Вестник

Нет, бедная царица, то ахейцы,

Не мы, его дружина, в похвалу

Царево имя заменили новым:

Протесилай.

Лаодамия

Протесилай... А кто ж

Жене отдаст... отчизне... Июлая?

Вестник

Протесилай — за то, что первый он

На вражеский вступил бесстрашно берег.

Лаодамия

Мне всё равно, как называли его, —
Как вы его убийцам отдавали?

Вестник

Противиться не смели мы...

Лаодамия

Его

Зачем не умолили? Или старых,
Иль опытных меж вами не нашлось?
А что ж Атрид? А жребий? А другие?
Нет, нет... и ты не в трауре... Зачем
Ты шутишь так жестоко... Или ты
Сюда привез его для погребенья?
Что говорю? Живого? Может быть,
Лишь ранен он? Ведь если, вслед за мужем,
Ты говоришь — другие вышли все,
Так как же вы его не отстояли?
И кто ж его ударом поразил?
Чей меч доспех разбил ему? Дай имя!
Смущен ты? Ты молчишь?

.....

Вестник

Что я скажу?

Лаодамия

Что ты шутил... Не может быть, ты бредишь:
Твое лицо так красно, и глаза
Твои как у больного... Или можешь
Ты дать мне знак какой-нибудь? Тебе
Иначе как поверю?

Вестник

Я б подробнее

Пересказал весь бой... Но всё равно
Ты скажешь, что я выдумал...

Лаодамия

Еще бы!

И кто ж послал тебя? Команду кто
После царя над нашим войском принял?

И где ж твоя табличка, если сам
Тебя в послы начальник выбрал новый?

Вестник молчит, потупившись.

Лаодамия

Ты, может быть, беглец? Ты изменил?
Ты волновать народ сюда явился?..

Вестник

(тихо и мрачно)

Обратный путь был труден... Буря нас
Трепала, и едва я спасся... Было
Письмо... оно в волнах... Но я не лжец.
Увы! Когда бы точно лгал я...

Пауза.

Лаодамия

Вестник!

Прости меня! Да, может быть, ты прав...
Несчастье мне рассудок ослепило,
Как яркий свет сову слепит... Солгать
Не мог посол и храбрый сын Филаки...
Шутить? О нет! он не жесток — своей
Царицы он бы пожалел. Не болен
Ты также — речь твоя разумна, вестник.
О, я молю тебя... О чем?.. сама
Не знаю я... Скажи, что сон, который
Я видела недавно, длится... Нет...
Что это правда... Нет... Что брежу я...
Что бредишь ты... Постой...

Я всё стерплю!

Не перебую тебя, всему поверю...
Скажи мне: там, когда кончался он,
Он что-нибудь сказать велел... домашним,
Жене... и как? Как умер он?.. Страдал?
Метался он? или спокойно умер?
А та рука, которая ему
Разрезала на нежной шее жилу,
Она еще и носит меч и жертвы

Приносит и вздымается к богам?
Или ее вы обрубили тут же?
Всё говори... Я слушаю, посол...
В какой хитон одет он был?

Вестник

В лиловый.

Да,
кажется...

Кормилица

(тихо)

Лиловые поля.

Лаодамия

Молчи...

Вестник

Когда толпой на берег вражий
Мы хлынули, Калхантовы слова
Нам баснею казались... белогривый
И яркий шлем царя, как бастион,
Над нашею толпой вздымался гордо,
И робкие троянские стрелки
От поножей, не знаю, светлых, что ли,
Иль тяжкого отхлынули меча...
На кораблях меж тем пэан победный
Уже звучал... и, славой опьянен,
Соперника искал наш царь... Всё дальше
Он уходил, и не могли за ним
Дружинники поспеть... Вот на минуту
Из глаз его я выпустил — ряды
Троянские уж снова пополнялись, —
Вдруг слышу гул — и прямо на царя
Несется колесница. Было трудно
Пробиться нам... Когда же наконец
Глазам моим открылся он... возница
Едва держал взбешенных кобылиц,
А около... огромный, вождь, конечно,
Из сыновей Приама кто-нибудь,

Боролся с Иолаем — копы были
Уж сломаны, и царское копые
Попало в пристяжную... Кобылицы
Метались в пене дико... А мечи
Разбитые валялись бесполезно...
И долго шла безмолвная борьба,
Но берег был далеко... И не видно
Его ахейцам было. С чем бы мы
Пошли к царю?.. А крики лишь троянцев
Собрали бы... От ужаса и горя
Мы молча умирали... Наконец
Послышалось проклятье... и со стоном
Царь падает на землю, за собой
Троянского героя увлекая...
И долго там они в траве густой,
Как нежные щенки порой играя,
Катались... хрип, и треск, и стон стоял...
Но бой решил троянский витязь... вожжи
Он бросил наконец, и четверня
Взбешенная умчалась. Безоружен,
К товарищу он поспешил... И шлем
Тяжелый и косматый опустил
На голову царя... И брызнул мозг,
И кровь потоком алым залепила
Глаза борцу... О, горе... горе нам!..
Почившему ж — и слезный дар, и слава!
Он ничего пред смертью не сказал,
И, жив иль нет убийца, я не знаю...
С трудом мы тело царское тогда
На корабли доставили... И больше
Не знаю ничего я... Сам не царь,
Но и лжецом, хоть низок родом, тоже
Я не бывал... Избавь и похорон
Описывать не заставляй подробно:
Я вытерпел довольно.

Лаодамия

Ты сказал

Всё, что умел... Не буду мучить больше
Тебя, солдат... Ты мне оставил тень
Надежды... Я тебя... благословляю.

Но, может быть, нашел ты что-нибудь,
Что было с ним... Какую-нибудь память.

Вестник

(вынимает печать)

В щите его нашли мы эту вещь
Привязанной ремнем... Возьми, царица.

Вопли в хоре.

Лаодамия

Его печать... да, да... его печать —
Благодарю... ну отдохни, оправься,
Будь гостем здесь...

Вестник молча и потупившись уходит.

Явление четвертое

Те же без вестника.

Кормилица

Осмелюсь, госпожа...

Прикажешь ли?

Лаодамия

Чего ты просишь, няня?..

Кормилица

Рабынь обрить... Убрать ковры и пурпур...
И лошадям подрезать гривы... Плач
Приличен был бы, кажется.

Лаодамия

Успеем...

Известия так смутны...

Кормилица

Но народ

Поднимет он... Не примешь ли старейшин?

Лаодамия

(молча отходит к средней двери, потом останавливается)

Ты скажешь им, что ничего пока
Мы верного не знаем. Этот бедный,

Измученный солдат один за всех:
И вестник, и свидетель, и порука...
Да, ночь вокруг темнее, что ни миг,
Но горю я не сдамся, как ребенок,
Как девочка больная иль рабыня...
Никто за мной пусть не идет... Себя
Я не убью... Не бойтесь... Но не плакать...
Пожалуйста, не плакать...

Да, цветы
Лиловые... Тяжелый шлем... О ночь!
Как ты темна, темна и бесконечна.

Уходит в среднюю дверь. Кормилица следом, но в дверь налево.

Первый музыкальный антракт

Р Е Ч И Т А Т И В

Пер в ы й г о л о с
Горе... о горе!.. кого,
Кого я оплачу?..
Мертвого или живую?..
Мертвый, он там, зарыт иль сожжен,
И не оплакан.
Здесь живая — безумна...
Горе, о горе! Зачем
В ней погасило огонь ты,
Чистый и нежный огонь
Разумной души?..
Если умрет человек,
Душа на могиле
В темную ночь
Пламенем синим мерцает...
Но у безумного нет
Света в душе —
Холодно там и темно.
И одни только тени,
Как ночью черные тучи,
Плывут и дымятся...

Второй голос
Сердце мое —
Точно осеннее солнце
 Меж тучей и тучей,
Точно осеннее небо оно
 Над морем лиловым,
 Где гребни белее
 Нагорного снега,
 От бури до бури

.....
Или ей боги открыли,
 Точно, царице,
То, что для нас сокровенно?
 Или умерший,
 Точно, не умер
 Для Лаодамии?
Горе... о горе... кого,
 Кого я оплачу?
Мертвого или живую?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление пятое

Хор и Кормилица (из левых дверей).

Кормилица

Тс... Тише... Тише, женщины... Она
Уснула, кажется...

Корифей

А бред ее? всё длится?
Душа темна всё так же?.. Или слез
Пролился дождь? и солнце показалось?..
О, не таи... Ты видела ее,
Не правда ли?

Кормилица

Неужто ж так оставить?
Нежнее сна, лукавее змеи

И комара назойливей я стала,
И старину сегодня довелось
Сквозь слезы мне припомнить... Больше часу
Меж пепелов развешанных, как моль,
Таилась я... тоска мне сердце грызла,
И не глядят глаза мои от слез,
От темноты ль...

Мы с ней, бывало, в прятки
Играли так... «Ну, няня, прячься»... Вот
Я и стою в углу, — а эта крошка
Уж что-нибудь иголкой мастерит,
Иль с куклою играет... На *игру*
Смотрела я сегодня *тоже*, только
Игра была печальная...

К о р и ф е й

Скажи,
О женщина, яснее: точно разум
Ее погас?.. Иль это только горе
С ее душой играет?

К о р м и л и ц а

Как узнать?
Ты знаешь ли, что делала царица?
Ты думаешь: молилась? Иль слезам
Вдали от глаз свободно отдавалась?
Иль, может быть, гадала, чтоб богов
Решение проверить?.. Нет, она
Со статуей играла, точно с куклой,
Но тихо и серьезно, как больной
Иль матерью оставленный ребенок.
Я статуи подобной никогда,
О женщины, не видела... конечно,
Из воска лил мудрец ее... живым
Казался муж... и локоны, и панцирь
Весь из колец, и поножи... Футляра
Со статуи так бережно царица
Сперва сняла, — отделан кипарисом
И бронзой был богато он... Потом,
Обняв ее подножие рукою,

Шептать ей стала что-то... Кто бы мог
Пересказать слова, которым губы
У матери, качающей ребенка,
Бывают отданы, иль девушки, когда
Застанете ее вы на закате
Мечтающей?.. Улыбка, дрожь, слеза —
Как золото, а щеки — меловые...
Так с куклою царица в тишине,
К ее ногам прильнув щекою нежной,
Мечтательно и робко говорила...
Пред ней потом кошницею цветы
Рассыпала душистые и, взявши
Курильницу, насытила кругом
Каким-то сладким ароматом воздух...
И мне казалось даже, словно с губ
Царицыных, цикады осторожней,
Мелодия слетела... Но как будто
Она кого боялась разбудить.
К губам свой белый палец приложив,
Царица замолчала...

И другою

Сменилася игра, еще чудней:
Два фароса — оранжевый и нитью
Лиловою расшитый — отобрав,
Их примерять старательно на куклу
Царица стала... Было и смешно,
И грустно... и от смеху ядовитой
Текли из глаз и жгли мне кожу слезы.
Так первенцу любимому порой,
Малютке, мать наряды выбирает.
То в желтое оденет, то белей
Закутает невесты... и глядит,
И, шпильки позабыв меж губ, смеется...
Но кончилась игра, и на постель,
С украшенной забавы не спуская
Влюбленных глаз, царица прилегла,
А я тихонько вышла, не придет ли
Целитель сон к горячей голове...
Но чу... шаги... она... Лаодамия.

Явление шестое

Те же и Лаодамия с распущенными косами, всё еще в белом.

Лаодамия

Минута сна... И точно нежный бог
Своим крылом... благоуханно-белым
Обвеял изголовье... Грудь полна
Несознанных желаний...

(К солнцу.)

О светило

Жестокое и жаркое! зачем
Мои мечты ты топишь, точно крылья
Надменного царя?.. Тот нежный бог,
Их навевая сердцу, улыбался...
Иль боги лгут? Или недуг один
Рождает в нас надежду и желанье?..
Эфир... пустой эфир, и так тяжел...
Иль ваша правда, люди, только в муках?..

(Кормилице, видя ее слезы.)

Ты, старая, что плачешь? Разве я
Уж так жалка? А если вести ложны?..

Кормилица

Дитя мое! Прости мне... Но богов
Ты, кажется, забыла...

Лаодамия

О, помедлим

Хоть эту ночь еще...

Кормилица

А если царь

Пред медными дверьми — твоих молений
И жертвы ждет... И тяжело ему,
Как путнику усталому, который
Не вымолит ночлега?..

Корифей

Преклонись

Перед судьбой, царица, раб не бредил,

Он вырос здесь, он верен был царям.
Ужель тебя такой посол обманет?
О, не теряй мгновений — каждый шаг
Седого старика над головою
Приносит забытье... Зачем одна
Ты, гордая, его услуг не хочешь?..
В утеху нам и слезы рождены...
И долгие молитвы... Надо только
Смирненно раньше выпить чашу — пусть
Она горька, ее мешали боги...

Пауза.

Лаодамия

Не знаю, что сказать вам...

Я слова

Ужасные глубоко затаила,
И, точно туча, сердце у меня
От капель слез разбухло и чернеет...
Но луч за ней еще горит.

Зачем

Я буду звать грозу! Дождемся утра...
Два сердца... две любви перед судьбой
Склоняются теперь и тихо молят...
Не будем им мешать... Я не найду
Разумных слов... Но я желать умею...

Корифей

Ты чуда ждешь?

Лаодамия

Не знаю... Пусть для вас

Безумною останусь я и грешной,
Я брака жду сегодня... в эту ночь,
Иль смерти... я не знаю. Ум мой темен,
Но Иолай придет — он обещал...

Солнце закатывается... Последние бледные сумерки.

О жены, о невесты... все желайте!
Вы, вдовы, слез подруги, все со мной
Зовите ночь желаньем... Крылья бога
Меня сейчас обвеяли... Он жив...

В моей груди горит его желанье...
О тени... вас зову я... всех, вас
Зову я кровью сердца... и биением
Зову вас сердца каждым... Этот свод
Скорее погасите... Дайте слышать,
Чего не слышит ухо, и глазам
Неясное откройте сердцу, тени...
Сном наяву... сойди, царица ночь,
И окрыли мои мольбы, царица.

(Уходит.)

Второй музыкальный антракт

Х о р

Замолкли колеса светила...
Холодная пала роса,
И синяя ночь распустила
Над миром свои паруса...
Далекие нежные волны
Обвиты ее пеленой...
И к югу волна за волной
Уносит крылатые челны...
Но флот ее царственный тих:
Во мраке триэры слилися,
И только на мачтах у них,
Как факелы, звезды зажглися,
А в полночь, прорвав пелену,
Всех ярче звезда загорится:
На щит золотую луну
Над миром поднимет царица.

Первый голос
За тьмой и светом,
Среди эфира,
Который глаз
Ничьих не нежил...
Есть тихий берег...
Туда мечтою
Теперь лечу я...

Там два чертога
И две царевны.
И старшей имя
Царевны—Ночь,
Другая дева
Зовется Смертью.
С черною раной
На шее белой
Там моя радость
В мраморной зале
Спит и не грезит...
Девы не любят,
Только ревнивы:
Милого друга
Жарким молениям
Не отдадут
Страшные сестры:
Одна с косою
Белой, как сумрак
Влажной долины
Перед рассветом;
Другая с черной,
Душной косою,
С грудью, что снега
Высей белее
И холоднее;
Друга желанью
Страшные сестры
Не отдадут
В час, когда дышит
Небо любовью,
И растворился
Белый цветок
Пурпурной чашей...

Другой голос

(арфа)

Нет сил желать... Крыло мечты
Разбито медною стеною;

Лазурной тенью залиты,
Там не доступны кущи зною...
Там девы бледные персты
Тому, кого уж нет со мною,
Свивают черные цветы,
Осеребрённые луною...
Нет сил желать... Крыло мечты
Разбито медною стеною.

Плач.

Третий голос
(мелодекламация)

О грустные аккорды... О листы
Пурпурные, но тяжкие разлуки!..
В груди горит желание... а ты
Рвешь волосы... Дрожа, ломаешь руки...
Не из любви ль у соловья свиты
Его легенд чарующие звуки?
Не молят ли душистые цветы,
Полны любви, луны и сладкой муки?
Из скольких глаз, со скольких нежных лир
Желания теперь струятся волны...
О, если бы один волшебный мир
Из них создать могла я, прошлым полный...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление седьмое

Лаодамия

Какая тишь и тьма... Ни зги вокруг...
Сейчас луна взойдет... В чертоге пусто...
Там и молиться жутко даже... с вами
Хочу побыть опять...

Луна.

О дева, дочь
Невинная Кронида, из колчана
Злаченного серебряные я
Твои благословляю стрелы, здравствуй...

Кормилица
(выходя за ней следом)

Царица, ждет постель тебя.

Лаодамия

На ней

И холодно, и страшно мне.

Кормилица

С тобою

Я лягу, если хочешь...

Лаодамия

Подождем:

День был жесток и страшен. Может быть,
Добрее ночь. Мои напрасно губы
Молитву повторяли...

Я дрожу...

Я не пойму, надеждой иль тоскою
Кровь движется, и мне в виски стучит,
И синие мои вздувает жилы...
О тени, я... звала вас... а теперь
Мне страшно вас увидеть... Что там, няня,
За деревом?..

Кормилица

Другое, госпожа.

Лаодамия

А это что? Шаги... Иль только сердце
Мое стучит?..

Да, сердце... Как дитя

Я делаюсь.

Боюсь сказать, но близко
Решение... Я чувствую: глаза судьбы
На мне остановились... Тс... Идут...

Полная тишина.

Корифей

(не поднимаясь)

Действительно шаги... И будто голос...

Кормилица

Да, чей-то шаг, но женский иль мужской,
Не разобрать... и сколько ног, не слышу...
Не лошадь ли?.. Звонки как будто...

Корифей

(вставая)

Нет:

Шаг — и мужской... а с ним как будто тихий
Слился не шаг, а шорох... Точно мышь
Летучая меж веток... Вот и глаз
Идущих различает... Странно — двое...

Явление восьмое

Те же, Гермес и тень Протесилая.

Набегает туча. Лиц не видно. Оба в длинных плащах.
Протесилай в шлеме. Гермес в фетре.

Гермес

(точно не замечая Лаодамии; к хору)

О женщины! Привет вам... Труден путь
Усталому, и дверь ему милее
Любимых глаз, когда весь день, как мы,
Меж золотых шагал он нив, по пыли...
Чей это дом? И дома ль царь? Цари
Владеют им, конечно... Селянину
Таких колонн не снилось...

Корифей

И от нас

Тебе привет, прохожий... Вот царица...

Гермес

*(с поклоном к Лаодамии, которая пристально
всматривается в его спутника)*

Владычица Фессалии... Гостям
Найдется ли в твоих чертогах угол?..
В походе царь, конечно... Июлай...

Лаодамия вздрагивает.

Так, кажется? Ведь мы в Филаке? Правда?

Лаодамия

(справившись с собой)

Наш путников еще высокий дом
Не прогонял. Рабы сейчас проводят
В палату вас... и, пыль пути отмыв,
Вы вкусите отрадной пищи... Вам
Фракийское вино поправит силы
И призовет на ваши вежды сон...
Но женщине простите, не царице...
Душа горит узнать, откуда вы,
Не слышали ль вестей из Илиона?
Узнали вы Филаку... Разве здесь
Когда-нибудь вы были уж?

Гермес

Царица,

Имен у нас немало... И любой
Тебе назвать я мог бы город... Храмы
Мои везде... И шаг мой окрылен,
А нектаром меня поила Майя.

Лаодамия

Гермес... О бог... Ко мне ты?.. А с тобой?

Корифей

О, диво див... бессмертные... О, чудо!
Прости нас, путник дивный.

Лаодамия

(делая несколько шагов)

Не обман?

Ты не мираж?.. А это кто же?

*(Быстро подходит к другому
и старается разглядеть лицо.)*

Гермес

Гей!

Сестра, чего не светишь?

Выходит полная луна.

Лаодамия

Ай... что вижу?

Ты?.. Ты?..

(Склоняется к его ногам.)

Но что ж — молчит он? О Гермес,
О добрый бог... скажи, что я не брежу,
Что, точно, ты привел царя... Его
Окованы уста зачем? Он слышит?
Скажи, Гермес! Иль это только сон,
Полночный сон из дум моих?.. О милый,
Дай руку мне... И назови меня
Своей женой.

Тень Протесилая

(глухо, протягивая руку)

Моя Лаодамия...

Лаодамия

Кормилица, ты слышишь?

Кормилица

Как во сне,
Он говорит... О силы неба... Сжальтесь
Над бедной... И жестокою игрой
Царице вы не надрывайте сердца,
Бессмертные...

Лаодамия тихо целует руку мужа и выпускает ее.

Тень

Моя Лаодамия...

Лаодамия

Ты болен, царь. Ты ранен... О, позволь
Омыть твои запекшиеся раны,
Пойдем со мною в дом наш... Ты устал...
О милые рабыни! Посветите...
Ты ж на мое плечо, мой Иолай,
Не правда ль, обопрешься?.. Сколько силы,
О, сколько сил я чувствую... Пойдем,
Тебе сказать должна я много... Сердце,

Не разорвись от счастья... Погоди
Считать свои минуты, время... Вестник
Из Трои был здесь... Только бредил он.
Но бледен ты... Ты хочешь сесть?

Тень
(снимая шлем)

Мне душно.

Лаодамия
Повязкою покрыта голова
Твоя, о Иолай... Такой повязки
Переменить мы не сумеем... Чем
Ты ранен, царь?

(Поддерживая его.)

Твое прикосновенье
Мне так легко... Ты, верно, похудел,
Иль сил в руках прибавилось?.. Но только
Не чувствую тебя почти я...

Тень

Мне

Мои одежды тяжки... Воздух тяжек...

(Сбрасывает плащ — и остается в лиловом хитоне.)

Я умолил богов, чтоб Илион
Позволили оставить, и с тобой
Пробуду до рассвета... Я хочу
Свои чертоги видеть и тихонько
Тебе сказать слова любви... Войдем.

(Входят в дом с факелами и рабынями.)

Явление девятое

Гермес, Кормилица и хор.

Гермес

Два-три часа даны ему, и должен
Ударами я возвещать их... Срок
Положен для свиданья.

К о р м и л и ц а

О бессмертный!

Коли тебя спросить я смею, царь
Останется?

Г е р м е с

Нет, женщина.

К о р м и л и ц а

Куда же

Ты поведешь его теперь? Для ран
Покой и врач нужны, а не далекий
И трудный путь.

Г е р м е с

Он будет дома. Есть

Покойный дом у Иолая. Солнца
В том доме нет, там сумерки царят...

К о р м и л и ц а

(тихо и с усилием)

Ты мертвого привел?

Г е р м е с

Да, царь уж умер...

К о р м и л и ц а

Увы! Увы! Оплаканный, прими
Еще слезу, и тайную опять!..

В хоре начинаются вопли.

Г е р м е с

(останавливая женщин жестом)

Нет, женщины, не плачьте.

Этим смертным

Отрадный дан обман, и три часа
Царь вымолил себе у полуночных
Властителей. Пусть сердце усладит
Лобзанием бесплодным он. И слезы
На бледные ланиты упадут,
Но брака не тревожьте...

(Ударяет в дверь один раз.)

Первый час!..

К о р и ф е й

О Майи сын, должна ль узнать царица,
Что гость ее уж умер, или ей
Оставишь ты хоть луч надежды, Гермий?

Г е р м е с

Она должна узнать всю правду...

К о р и ф е й

Кто ж,

Кто скажет ей? Ты сердце разрываешь...
Не пережить ей этого, Гермес...

Г е р м е с

О женщина, что значат ваши слезы
Пред муками богов? Слыхала ль ты
Когда о Прометее? Поколенья
Сменялись тридцать раз — ив тридцать раз,
Чем тридцать больше, роща риз зеленых
Переменить успела, а титан
Прикованный висел, и коршун печень
Выклевывал ему, но что ни день,
Она для клюва кровью набухала...
А Иксион бессмертный?.. А Сизиф?..
А Тántал?.. — все они еще страдают...
Увы, жена... Я видел столько мук,
Что жалости не стало б места в сердце.
Утешится вдова или умрет,
Что значит лист — опавший иль на ветке
До времени живой, дрожащий лист?

К о р и ф е й

О, жребий твой невесел, бог... Ты мертвых
Пасешь, Гермес... Так говорят у нас.

Г е р м е с

Да, женщина, и стадо мертвых грустно...
И если в нем есть сын и мать, не дам
Я матери обнять ее ребенка,
И сын ее испуганно бежит...
Но мертвые послушны в общем... Любят

Они покой... воспоминанья им
Приятней разговора...

К о р и ф е й
Ужас! Ужас!

Г е р м е с
Но всё сама узнаешь ты, когда
Коснется трость тебя золотая...

К о р и ф е й
Ужас!

(Заметив движение Гермеса.)

Ты хочешь вновь стучать... Неужто час
Еще прошел, Гермес?

Г е р м е с
(стучит два раза)

Для них минутой
Свиданья час проходит — всё равно...

К о р и ф е й
О бог, ужель страданья наши точно
Для вас игра?
А жертвы? А мольбы?

Г е р м е с
Они нужны, но вам... Свободны боги,
И этот мир, о женщины, для нас —
Раскрытая страница книги, только...

К о р и ф е й
Живете ж вы, небесные, тогда,
О Гермий, чем? Пирами и любовью?

Г е р м е с
О нет! Пирь нам скучны, как и вам,
Иль тем из вас, кто мудр, а пир Эрота
Нас тешит очень редко...

На пиру
За свитком мы. Нам интересен пестрый
И шумный мир. Он ноты нам дает

Для музыки и краски для картины:
В нем атомы второго бытия...
И каждый миг, и каждый камень в поле,
И каждая угасшая душа,
Когда свою она мне шепчет повесть,
Мне расширяет мир... И вечно нов
Бессмертному он будет...

А потом,
Когда веков минует тьма и стану
Я мраморным и позабытым богом,
Не пощажен дождями, где-нибудь
На севере, у варваров, в аллее
Запущенной и темной, иногда
В ночь белую или июльский полдень,
Сон отряхнув с померкших глаз, цветку
Я улыбнусь или влюбленной деве,
Иль вдохновлю поэта красотой
Задумчивой забвенья...

Три стука.

Но пора...

И третий час прошел... Довольно, дети...

Явление десятое

Из дверей идут Протесилай и Лаодамия.

Корифей

О горький вид... Скорее проходи,
Ужасная минута... За тобою
Другие легче будут... Как он бледен...
А у нее пылают щеки... О,
Филейского ужасный дома жребий!
Ее глаза блистают... ты, обман
Божественный! ты, брак холодно-лунный!

Лаодамия

Тебя война зовет, властитель мой?

Протесилай

Бессмертные зовут меня.

Лаодамия

Но утра

Ты, может быть, дождешься... До зари
Недалеко уж... Сном не освежился
Ты, Иолай... А холодно. И путь
Далек, и камни на дороге горной
Сливаются с туманом...

Протесилай

Плащ и шлем!

(Одевается, принимая плащ и шлем из рук рабынь.)

Мне тяжела разлука... но простимся
Скорей... Луна бледнеет, и восток
Уж побелеть готов...

Лаодамия

Твой голос глуше,

Чем был... Боюсь — не выдержишь пути.

Гермес

Царь, торопись — последние минуты...

Лаодамия

(оставляя мужа, к Гермесу)

О Майи сын, пощады! Если мать
Ты нежную любил... Я грудью Майи
Тебя, о бог, молю... Оставь царя
Со мною... Он так слаб и бледен, рана
Его горит, и стынет кровь от мук.

Гермес

О женщина!.. Ты просишь не о том,
Что могут дать тебе Кронид и Гермий.

Лаодамия

Не может дать Кронид... Кого ж тогда
Мне умолять?

Гермес

Неумолимы двери

Аидовы, царица...

Лаодамия
Говоришь
В насмешку ты или шутя, крылатый?

Гермес
О нет, жена,— нет силы воротить
Умершего сиянью солнца.

Лаодамия
Умер?
Ты говоришь, он умер?

Гермес
И давно...

Лаодамия
(бросается к Иолау, тот отодвигается. Немая сцена)

Ты не мертвец?.. О, отчего не хочешь
К моей груди прижаться? И колен
Мне не даешь своих коснуться... Губы
Твои без слов шевелятся. Скользишь
Ты по земле, как тень... Ты мертвый... точно?
Тебе, о царь, и больше никому
Я не поверю...

Протесилай утвердительно кивает головой.

Лаодамия
Собери дыханье
Последнее... Как ты убит и точно ль
Засыпан ты землею?
Протесилай снимает шлем и делает жест удара.
Вопли в хоре.

Протесилай
(с усилием, глухо)

Да... землей...
(Губы его шевелятся без звука.)

Лаодамия
О, если так мучительно... Не надо.
Я буду на тебя глядеть... Глаза
Тобою я насыщу... Нет, насытить

Нельзя тобою глаз... Когда ж опять
Увидимся... Придешь ты?

Тень кивает отрицательно.

Лаодамия

Нет?.. О Гермий,

Еще одну минуту... До него
Коснись и дай сказать ему... Покойно ль
Ему в чертогах новых?.. Кто с ним?

Гермес касается до Протесилая жезлом.

Протесилай

О...

Не шевели ужасных теней.. Вечно
Я с ними буду... Черви на ногах
Людей... Как пауки, и медленны и серы
Во всех углах. И серый дом... И ночь...
И ночь вокруг, как день без солнца... Губы
Беззвучные... Шаги как шорох.

Лаодамия

Звук

Твоих речей ласкает сердце... Там бы
Меня узнал, любимый, ты иль нет?
Прийти к тебе?

Протесилай

Оплачь меня. Но рук

И уст моих не прикасайся больше...
Не вижу я, чуть слышу... Сладкий дух...
О, дом... о, мир... Побудь со мною, радость..
Но день идет... Расходится состав
Моих костей.

(С усилием.)

Моя Лаодамия...

Гермес снова касается до Протесилая тростью —
и он ставовится недвижим и беззвучен.

Лаодамия

(тихо)

Похоронить не дашь его, о бог?

Гермес

Совсем дитя ты, кажется... Иль хочешь,
Чтоб, не дойдя до дерева, как тень
От ветви, он растаял... Вестник утра
Уж прокричал...

Идем, товарищ... Ты ж
Почти его слезой и возлиянем.
Вам, женщинам, отрадна и печаль,
Согретая любовью. До свиданья.

Протесилай и Гермес скрываются.

Явление одиннадцатое

Лаодамия, Кормилица и хор.

Лаодамия

Ушли... они ушли... Вот и шагов
Не слышно уж. И ты с улыбкой бледной
Уходишь, ночь, за ними... День и жизнь
Сейчас опять начнутся... О, покуда
Еще обманы живы, мрак, обвей
В чертоге мне глаза и сердце.

Дева,

Помедли выходить... Пускай Тифон,
Согрет тобой, еще отрадно дремлет.
Счастливому любовью сладок сон.

Уходит. За ней Кормилица.

Третий музыкальный антракт

1

Медленные движения по оркестре.
Айлинон... Айлинон... Между колонн
Тени мешаются, тая.
Черен смычок твой, о Феб Аполлон,
Скрипка зачем золотая?
О, для чего же раздумьем, как сон,
Черным и нежным свита я?

Лучше б померкший вокруг небосклон
Молнии рвали, блистая.
Айлинон... Айлинон... между колонн
Тени мешаются, тая.

2

(С мимикой)

Развейтесь косы.
Падите, росы
Из тучи черной!
Увит цветами,
Стань лоскутами,
Буаль узорный!
Ты ж, к изголовью
Залитой кровью
Прильнув щекою,
В тоске бесслезной
И ночью звездной
Не знай покою.

Дай ей забвенья, о Феб Аполлон —
Думами с нею в доме я...
Айлинон... Айлинон! Между колонн
День или ночь, не пойму я...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление двенадцатое

Из левых дверей дома выходит мальчик-раб,
оживленный, трудно понять — радостно или печально
взволнованный, он обращается к хору.

М а л ь ч и к

О женщины!.. Беда у нас... и срам
Неслыханный.

К о р и ф е й

Ты грустно начинаешь...

М а л ь ч и к

Я каждый день к царице по утрам
Ношу цветы и воду, как ты знаешь.

Сегодня, роз нарвав, сперва червей
Я с листьев снял... Под осень лист узорный...
Вхожу в чертог...

Лицо себе обвей,
Коль покраснеть боишься. О, позорный,
О, горький вид... То и рабу тяжел...

К о р и ф е й

Или в покой без спросу ты вошел?

М а л ь ч и к

Вот то-то нет... Я о себе ударом,
Как и всегда, царицу известил,
Но до сих пор стоял бы, верно, даром,
Когда б сам бог пути не осветил...
Оттуда луч к дверной пробился щели,
А я к лучу...

К о р и ф е й

И что ж ты увидал?

М а л ь ч и к

Увитый жезл и розовый фиал
И не одну царицу на постели.

К о р и ф е й

Гекатою клянусь: ты всё солгал.

М а л ь ч и к

С царицею на ложе гость лежал,—
Как шишке мне пускай висеть на ели...

К о р и ф е й

О, скольких змей лишил ты речью жал...

М а л ь ч и к

Иль я один... Рабыни подоспели:
Спроси рабынь, весь дом перевидал:
Увитый жезл и розовый фиал,
И не одну царицу на постели...
И город, чай, уж вести облетели.

(Скрывается.)

К о р и ф е й

О тяжкое сомненье! Что придумать?
Безумия припадок? Может быть,
Насилие? Но ризы Диониса?..
Она кричать бы стала... Кто же в дом
Проникнуть мог? Иль мертвые воскресли?
.....
Просвет в тяжелой туче... Царь Акаст.

Явление тринадцатое

Т е ж е и А к а с т с небольшой свитой.

Он старик седой, но еще довольно бодрый. В трауре, волосы подрезаны. Вид желчный. Приходит со стороны города.

А к а с т

О ранние непрошенные гости,
Что привело вас к царскому жилью?
Позор его иль горе?.. Как огонь,
Расходится хула меж вас, но капли
Последней из фиала добродетель
В устах у женщин медленней... Увы!..

К о р и ф е й

О царь Акаст!

А к а с т

Я знаю всё... Довольно!
Печальным вы не верите вестям,
И за богов своих любезных выдать
Порой не прочь... Кто в полночь разберет?

К о р и ф е й

О, как не прав ты, царь, и как ты... грешен!

А к а с т

Моих грехов не замолишь тебе,
Потатчица... И не утешить сердца
Акастова сорочьим языком.

Явление четырнадцатое

Т е ж е и из левой двери дома К о р м и л и ц а.

А к а с т

Ты, старая рабыня... У отца
Ты выросла в его высоком доме.
Я доверял тебе. И молоком
Вспоила ты... Назвать не смею больше
Я дочерью ее... Ту, что теперь
Отцовские седины осрамила...
Как допустить могла ты?..

К о р м и л и ц а

Господин,

Таких чудес мы за ночь насмотрелись...

А к а с т

Теперь не ночь, и, отвечая нам,
Не спрячешь глаз за ласковым покровом
Пособницы-луны, рабыня... Нет...
А госпожа твоя еще в постели?
Что ж пир ее? За полдень перейдет?
И траур ваш? Где ж траур? Иль обрить
За целый день рабынь вы не успели?
Хоть солнца б постыдилась, коль не глаз...
Прочь эту ризу пеструю!

Рабыни поспешно убирают стан Лаодамии,
Кормилица на цыпочках прокрадывается в дом.

Явление пятнадцатое

Т е ж е без Кормилицы.

А к а с т

Вы, слуги,

У алтаря из елей молодых
И лиственниц смолистых и побегов
Жасмина — мне устройте костер...
Пусть отберут овец и крутобоких
Быков, да нож отточат...

(Простирая руки.)

О герой,
Вдали от дома павший, но его
Прославивший от моря и до моря...
Прости мне, сын... коль пеною вина,
И молоком, и медом в чаше медной
Ты не почтен. Рука твоей вдовы
В чужой руке. И факел Гименея
Преступного, но сладкого, увы!
Отрадней ей теперь раздранной ризы
И погребальных воплей... О позор!..

К о р и ф е й

О злой старик... Твой царский суд поспешен,
И речь твоя суровая. Но твоей
Где ж правоты порука? Это солнце

Показывается солнце, которое едва поднялось, большое и красное.

Я видела отсюда же, когда
К багровому оно катилось ложу...
Я с места не сходила. Точно был
Крылатый здесь. Но я не смею солнцу
Сказать, кого с собой он приводил.
А весть твоя, Акаст, о новом браке
Безумна... Иль молве поверил ты
Своих рабов?.. Иль вестник оскорбленный
Оклеветал царицу пред тобой?
Я слышала рассказ мальчишки. Странен,
Конечно, он. Но правда где-то... глубже,
И дочь твоя светлее солнца, царь...
Ты сам себя обидел в тяжком гневе...

А к а с т

Защитница, добра ты, но увы!
Бессонною твой ум, пожалуй, ночью
Смущен, жена. Иль в самом деле ты,
Не покидая места, от событий
Отстала? Я в волнении застал
Филаку: чернь озлоблена — вельможи
Престол царя там делят... А посол
Из дома в дом с рассказом переходит.

Пока вы здесь мечтаньям иль чему,
Не знаю уж, с Ааодамией вместе
Безумно предавались, ожила
И ненависть смиренная, и низость,
Угодница успеха, желтый хвост
Свой показать успела. Эта весть
Последняя совсем нас с толку сбила.
Ошеломлен, сюда иду... и что ж?
Уж целый час мы говорим... безмолвен
И тих чертог...

Кормилица опять.
Что скажешь нам, старуха?

Явление шестнадцатое

Те же и Кормилица в слезах и с воплями.

Кормилица

О, казни,
Казни меня, владыка, я не стою
И не хочу я жизни...

Корифей

Что с тобой?
О тяжкое предчувствие!..

Кормилица

Рассудок
Ее совсем оставил. Не придет
Она сюда... Она кружится в пляске...

Акаст

Что говорил я, женщина!..

Корифей

Увы!

Акаст

О, лучше бы права была ты.

Кормилица

Ужас!

А к а с т

(Кормилице)

Оставь — теперь не нужен плач...
А что ж, отец при новом браке лишний?
Поди скажи ей, воду освятить
Зачем меня не позовут?.. Вы, пряди,
Покрытые позором... головы
Моей не защищайте.

(Рвет волосы.)

Пусть лучами
Опалена и ветром, точно дуб,
Что молнией забрызган, почернеет...

Г о л о с Л а о д а м и и

(за сценой)

Ио! Ио! Эван! Эвоэ!

О, златокудрый бог,
Дважды рожденный!
Тебе влюбленных
Объятье сладко,
О Дионис,
О синеглазый...
Муж Ариадны.

Через сцену, направляясь к костру, проходит
погребальное шествие

Хор поет.

Звуки бубна.

Айлинон! Айлинон! Феб Аполлон.

Будь милосерд,
Феб Аполлон,
Миром почивших,
Бог, обвей.
Тяжки ворота Аида,
Кто их увидел, за тем
Им затвориться...
Больше дракона

Глав окрыленных
Мертвый не узрит...
Без ступеней,
Скатом всё ниже
Скользким гонимый
Будет он падать
Среди мокриц,
Падать и плакать,
За мокрые стены
Рукой бескровной
Напрасно цепляясь.

Айлинон! Айлинон! Феб Аполлон.

Но асфodelей
Бледно-лиловых
В пепельном поле
Он не увидит,
В свинце волны
Реки Рыданья
Не отразится,
Пока из нежных
Любимых рук
С молением слезным
Пчелы златой
Дар не прольется
На грудь земли
С струею белой
Телицы черной.

Айлинон! Айлинон! Феб Аполлон.

Не забывайте,
Живые, мертвых...
Сердцам застывшим
Милы стенанья.
Пурпура крови,
Пепла на лицах,
Ризы раздранной
Мертвые ждут.

Айлинон! Айлинон! Феб Аполлон!

Явление семнадцатое

Из средних дверей выходит Лаодамия. Щеки горят,
одета вакханкой.

Лаодамия

О, вороти мне мужа... Ты один
Твердыни смерти можешь, улыбаясь,
Румяный бог, разрушить, как ребенок
Песочные дворцы, когда ему
Надоедят, ногою рушит резвой.

Акаст

Несчастье... и ужас... и позор —
Чего здесь более? Глаза зачем же
Оставил ты, старик, себе?

(К Лаодамии.)

А мужа

Где дела ты, несчастная?..

Лаодамия

(видит отца... и приходит в себя. Она закрывает лицо)

О солнца

Багряный луч! отец!.. О горький стыд!
Зачем меня вы звали, люди?

Мертвых

Холодное объятье любит мрак,
И белые на солнце руки тают.

Акаст

Нечистыми устами до имен
Священных не касайся...

Лаодамия

Горе! Горе!

Акаст

Не горестен наряд твой... Где твой муж?

Лаодамия

У Гермия спроси, старик...

А к а с т

А с кем же

Ласкалась ты?

Л а о д а м и я

О горький брак! Увы!

А к а с т

Да, горький и преступный... Но счастливец?
Ужель бежал?

Л а о д а м и я

Меж нежных рук моих
Как мертвый он лежал ребенок долго,
И я согреть лобзаньем не могла
Его ланит...

К о р и ф е й

(к ц а р ю)

Ты видишь, царь, в ней разум
Потух, а бред в ней крылья распустил,
Как над овцой убитой коршун.

А к а с т

Л о в о к

Подвох ее... А... может быть, пьяна:
Глаза горят, и щеки покраснелись.

Л а о д а м и я

О Дионис!
Своей рабыне,
Которой смерти
Презренны ковы,
Очарованье
Ты ниспошли.
На дальней Ниссе,
В лазурном море
Обетованной,
Где в кинамонах
Пестреют птицы,
Два сердца, боже,

Соедини
В блаженном браке,
Живое с мертвым,
Как солнце с тьмою
В душистой роще,
Слила дриада
В отрадный сумрак...

На сцену между тем мало-помалу набирается любопытная толпа.

Явление восемнадцатое

Те же и из левых дверей Мальчик,
сопровождаемый рабынями — их успели обрить, —
выносит статую Июлая, замотанную в лиловую пелену.

М а л ь ч и к

О господин! на ложе мы нашли
Царицыном вот это изваянье.

Л а о д а м и я

(быстро поворачивается)

Как смели вы касаться!.. Дай сюда...

(Хочет взять статую, но по знаку Акаста останавливается.)

А к а с т

Что вижу я?.. Еще обман... Оковы
Я наложу на вас... Все вы в тюрьме
Ослепнете... Иль восковою куклой
Вы думали глаза мне отвести?

Л а о д а м и я

(выпрямляясь)

О царь Акаст! Когда свой гнев бездушный
Лишь на меня метал ты, я могла
Молчать, но раб, богами под защиту
Мне отданный, не будет отвечать
За слепоту очей твоих.

Я с н е е

Скажи, о муж, на муки в этот мир
Меня пославший, чем перед тобою
Виновна я и мужние рабы?

А к а с т

О дерзость!

Иль расшитый пеплос так же
Дружит с тобой, как панцирь?

Здесь народ...

Я бороды седые вижу... Женщин,
Которые носили на руках
В младенчестве тебя... И через скорбь
Улыбки в их морщинах различаю.

Л а о д а м и я

О, если бы ты видел то, что я
Сегодня видела, старик, то все морщины
В твоих глазах слились бы...

О, зачем

Тебе назвать пришельца я не смею,
И сладкого, и страшного...

А к а с т

Морочь,

О женщина, других твоею басней
И куклою... С рабами ж я сочтусь.

Л а о д а м и я

(поднимая руки)

О Гермий! нет! Ты видел... Если руки
Мои невластны будут и глаза
Мои погаснут — защити ж бессильных.

Пауза.

Я знака жду, крылатый...

Сильный порыв ветра, почти ураган. Мальчик бросает статую
и убегает. При падении лиловая пелена размоталась.

А к а с т

(разматывает статую)

Что за вид

Чудесный! Царь как вылитый: и панцирь,
И поножи... и локоны... А здесь —
Что видит он... вдову свою, вакханкой
Одетую... О, лучше пусть огонь

Костра его расплавит... Утешать
Вдову другие будут!

(Берет статую.)

Лаодамия

Ты помешан,

О злой старик... когда-то мой отец...

Акаст

Не славилась сама ты брака?

Лаодамия

С мертвым

Он заключен, пойми!

Акаст

Стыдись богов,

Коль не людей, зачем же мертвым жены?

Лаодамия

Иль их пути известны нам?.. Отдай...

Отдай, отец, мне статую.

Акаст

Возьмите

Безумную.

Лаодамия

О, нет, молю тебя

Я всем, что есть святого здесь... Отрады

Моей не тронь последней...

Если мать

Когда-нибудь мою благословлял ты

И надо мной, отец, когда-нибудь

С улыбкою склонялся, детский сон

Лелея мой. Молю: оставь со мною

Последнего из трех мужей.

Вдове,

Не тронутый ничьим прикосновением,

Оставь мечту...

Полна любовью грудь...

Ты молод тоже был, отец... Покорной

Печалью жить я не сумею... Ласки

Мне хочется... Желанья жарок луч...
И умереть надеждам не даю я,
Что умолю богов я и в моих
Он оживет объятых...

А к а с т

(поднимает ее и передает ей статую, потом тихо)

Тяжкий бред!

Встань, дочь моя... Ты раньше говорила
Разумнее... Рассудок не погас
В твоей душе совсем...

Чего ты просишь?

Подумала ль? О, посмотри на солнце...
И пар мечты рассеется... Тебя
Жалею я теперь, Лаодамия.
Прости мне, дочь... Всё понял я, и гнев
Уж не слепит рассудка... Вижу, муки
Не выдержал твой разум... Но к сознанию
Вернись, мое дитя.

Лаодамия на коленях прижимается к нему, не выпуская куклы.

Что ж делать? Нам

Ведь не одним терпеть... Ты черный жребий
Полюбишь свой,

Лаодамия припала к его фаросу и плачет.

как к старости привык

Бессильной я, дитя, и бестолковой.

Поди к себе и черное надень,

И волосы свои, мою отраду,

(Целует волосы.)

Железу дай скосить.

Потом печаль

Отрадную разделим мы.

С молитвой

И тихими словами обовьешь

Ты полотном немое изваянье

И, медною властителей почтив

Полнощных чашей, яркому огню

Последнее отдашь... Не надо мертвых

Мучительной мечтою огорчать

И их покой тревожить...

Явление девятнадцатое

Лаодамия, прижимая к себе статую, молча уходит в дом. Через несколько минут она выходит с подстриженными волосами и в черных лохмотьях. В руках у нее статуя, но обитая в белое полотно.

По лицу ее без рыданий текут слезы, которых она не вытирает. Рабыни подносят ей медную чашу с возлияниями и берут у ней ношу. Лаодамия молча берет чашу. Шествие трогается в следующем порядке: впереди несут на носилках статую Июлая, как мертвого; потом идет Лаодамия с чашей, которую держит в обеих руках. За ней Акаст, опустив голову. Потом рабы, толпа...

Сцена остается пуста.

Хор

Первое полухорие

Тихой отрады полна,
Грудь не дрожит от рыданий,
И за волною волна
В ней улеглася страданий...
Бога ль, немого луча ль
Сердце мелодию слышит,
Благословенна печаль,
Если прощением дышит.

Второе полухорие

Нет, задушить не могу
В сердце я странной тревоги:
Там, у костра, на лугу
Что-то готовят нам боги:
Взмахи мне чудятся рук,
Полные смерти ланиты.
Нити безумья и мук
В узел таинственный свиты.

Корифей

Постой... Там вопли...

Первый парастат

Его хоронят —
Как хочешь, чтоб не плакали?

Второй парастат

О нет...

Нет — это страха
Прикосновенье
К устам и сердцу.

К о р и ф е й

Быть может, ветер
Завыл в костре.

В т о р о й п а р а с т а т

О нет, то ужас
Из сердца выжал не стон... а визг.

К о р и ф е й

Постойте... ближе... Уж голоса...
Я различаю...

П е р в ы й г о л о с

(за сценой)

Раскидывай костер!..

К о р и ф е й

Зачем костер
Раскидывать?.. О тяжкое сомненье!

А к а с т

О боги... дочь моя... Спасайте дочь...

Сильный порыв ветра.

Г о л о с а

Воды сюда!

Рабыни, прочь!

Пожар

Не сделайте!

Дружнее...

Занялся

Еще сильнее...

Не выхватить...

Увы!..

Явление двадцатое

Крики, вопли, гул.

На сцену выходит А к а с т, сразу дряхлый старик,
одежда разорвана, лицо и волосы опаленные.

К о р и ф е й

О царь Акаст! Где дочь твоя?

А к а с т

Она

Себя сожгла... О ужас... Молча... Молча,
Как черная овца, она в костер
За мужем прыгнула... Удар веслом безумья,
А слезы ведь текли у ней из глаз
И с молоком мешались в чаше медной...
Иль боги ей велели?... Нет... Зачем
Тревожить их?... Угодна ль жертва даже,
Как знать?... Как знать теперь? И примиренной
Иль с язвою в душе она от нас
Ушла?... Мы не узнаем.

Расходитесь...

Что стали там?... Зачем смотрите вы
На старика безумного? Заразы
Его греховной бойтесь.

К о р и ф е й

Да, Акаст,

Твоей руки прикосновение было
Грубей зимы... Пусть бог тебя простит.
Но кто любил покойную... тем страшно
И тягостно лицо твое... И сам
Теперь Гефест божественный в твой остов
Вдохнуть не мог бы пламени. В тебе
От старости обуглился и факел.

А к а с т

Да, женщина! Не надо ран моих
Тебе щадить... И сладки мне укоры,
Коль что-нибудь отрадное еще
Под солнцем быть Акасту может... Спросят,
Зачем за ней я не ушел? Кому
Еще нужна сухая трость и этот
Согнувшийся старик?... Увы!
Могилы я боюсь, чем ближе к черной...
А муки что? Умеют уверять
Они еще сердца: от жизни будто
Остался след... и в пепле сером... Вы,
О граждане Филаки... Этот дом

И царство всё сейчас возьмете... Ветки
От дерева усохшего искать
Не будете, я знаю... Но позвольте
Оплакать мне усопшую... в ее
Оставленном чертоге... Пусть отрадой
Последнею терзаюсь я, что жив
Над памятью сгоревшего ребенка.

Уходит в дом. Со сцены все расходятся.

Х о р

Если нить у слепой развилась,
Ей не свиться, как раньше, вовеки, —
Но на белый и нежный атлас
Вы зачем же струитесь из глаз
По ланитам, горячие реки?
Если дума плечам тяжела,
Точно бремя лесистое Эты, —
Лунной ночью *ты*, сердцу мила,
О мечты золотая *игла*, —
А безумье прославят поэты.

1902